

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ И «УЧЕНАЯ РЕСПУБЛИКА»: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ ПОЭТА

АНТОНИНА МАРТЫНЕНКО

Статья посвящена вопросу формирования литературной репутации Е. А. Баратынского в начале 1820-х гг. На основании материалов о деятельности поэта в рамках Вольного общества любителей российской словесности (ВОЛРС) удастся показать, что участие в заседаниях Общества и публикация специально отобранных текстов (элегий и посланий) в связанных с Обществом печатных органах сделали Баратынского видимой фигурой среди молодых поэтов начала 1820-х гг. Литературная стратегия Баратынского при участии в ВОЛРС повлияла на последующее закрепление за ним репутации поэта-элегика, а также сделала возможным включение его стихотворений в число «образцовых» уже в 1823 г.

Ключевые слова: Баратынский, литературная репутация, Вольное общество любителей российской словесности (ВОЛРС), «Собрание образцовых сочинений в стихах».

Antonina Martynenko. Evgeny Baratynsky and “The Republic of Letters”: on Formation of Baratynsky’s Early Literary Reputation

The article is dedicated to the early literary reputation of Evgeny Baratynsky. The main claim is that Baratynsky’s participation in the Free Society of Lovers of Russian Letters (1818–1825) aimed to promote his elegies and epistles and it influenced his popularity among other young poets in the beginning of 1820s. As a result, his reputation as elegiac poet was established early and in 1823 Baratynsky was already included in the literary pantheon, only few years after his literary debut (1819).

Keywords: Baratynsky, literary reputation, Free Society of Lovers of Russian Letters, *Collection of Exemplary Works in Verse*.

История литературного дебюта Е. А. Баратынского, первая публикация которого состоялась в 4-м, февральском номере журнала «Благонамеренный» за 1819 г., неоднократно становилась предметом описания и интерпретации. Так, в новейших работах Д. М. Хитровой и А. С. Бодровой были выявлены источники и предложена интерпретация биографической легенды, согласно которой первые стихотворения Баратынского якобы были отданы

в печать А. А. Дельвигом без ведома автора [Хитрова 2005: 16–39; Бодрова 2010: 196, 209, 212]. Однако при исключительном внимании к обстоятельствам вхождения Баратынского в литературу в конце 1810-х гг., проблема дальнейшего становления репутации поэта в первой половине 1820-х гг. рассматривалась лишь в контексте заметных литературных полемика этого десятилетия (см.: [Летопись 1998: 22–24, 119–121; Вацуро 2004: 260–265]). Даже в наиболее фундированных работах, посвященных раннему периоду творчества Баратынского, закрепление за ним репутации состоявшегося поэта-элегика ретроспективно относится к самому началу 1820-х гг.¹, то есть практически сразу после дебюта в «Благонамеренном».

Между тем, дебютные публикации в «Благонамеренном» в первой половине 1819 г. изначально позволяли характеризовать Баратынского лишь как «альбомного» поэта, однако не выделяли его из числа других адептов «легкой поэзии», также начинавших помещать свои мелкие стихотворения в журналах этого времени. Первые же «крупные» тексты (элегии и послания) Баратынский напечатал в конце 1819 – начале 1820 г. Так, в январской книжке журнала «Невский Зритель» на 1820 г. появилась первая большая подборка стихотворений Баратынского, куда вошли «Элегия» («Уже ли близок час свиданья...»), послание «Брату при отъезде в армию», эпиграмма «Хоть глуповат подчас Дамон...» и первый крупный текст Баратынского — «Отрывки из поэмы: Воспоминания»: эти тексты, в отличие от публикаций 1819 г., впервые обратили на себя внимание критики (см.: [СО, 1820, ч. 60, № 7: 41]). К этому же периоду относится и начало сотрудничества Баратынского с Вольным обществом любителей российской словесности (далее — ВОЛРС).

Предложение о принятии в ВОЛРС Баратынского было подано 12 января 1820 г. от имени Дельвига² и Н. И. Греча, на основании представленных в общество «Элегии» (неизвестн.) и «Послания к Дельви>гу» (судя

---

¹ Ср. характерное высказывание И. Н. Медведевой: «Репутация Баратынского как одного из больших поэтов укрепилась за ним *как-то сразу, с самых первых его выступлений* <курсив наш. — А. М.>» [Медведева 1936: LXVII]. Закрепление репутации «большого» поэта Медведева связывает с участием Дельвига в литературной судьбе Баратынского [Там же: XLIX]; эти утверждения Медведевой были повторены в более поздних работах о Баратынском [ср.: Семенко 1970: 221; Хетсо 1973: 52].

² К этому времени Дельвиг уже был произведен из сотрудников в действительные члены Общества (3 октября 1819) [Базанов 1964: 443].

по всему, «Где ты беспечный друг, где ты, о Дельвиг мой...»³; это предложение рассматривалось на заседании Общества 19 января 1820 г., а 26 января Баратынский заочно был избран членом-корреспондентом Общества.

Обратим внимание на то, что в отличие от Дельвига, П. А. Плетнева и других близких Баратынскому литераторов, первоначально принятых в Общество в качестве сотрудников [Базанов 1964: 443–444⁴], сам Баратынский вступил в ВОЛРС в статусе члена-корреспондента. Это объясняется тем, что 3 января 1820 г. Баратынский был переведен в Нейшлотский полк и весь год должен был провести в Финляндии [Летопись 1998: 93]. Он не мог появляться на собраниях, что было обязательным требованием для действительных членов и сотрудников [Устав ВОЛРС 1819: 12–13, 16], и потому был назначен корреспондентом Общества в Свеаборге [Вейс 1962: 306]. Согласно Уставу ВОЛРС, обязанности корреспондента состояли в «доставлении Обществу сочинений и переводов от посторонних лиц; также известий о книгах, <...> о рукописях <...> и о прочем, любопытства заслуживающем <...> Они же могут быть посредниками в сношениях Общества с другими учеными сословиями и лицами» [Устав ВОЛРС 1819: 19]. О том, действительно ли Баратынский мог быть посредником между финляндским обществом и ВОЛРС, неизвестно, однако, по-видимому, именно отсутствием в Петербурге объясняется и «долгий» перевод Баратынского из корреспондентов в действительные члены Общества.

Если Дельвигу, Плетневу и Кюхельбекеру для перевода из сотрудников Общества в действительные члены понадобилось около месяца, Н. М. Коншину и К. Ф. Рылееву — около полугода, то перевод Баратынского из корреспондентов в действительные члены произошел только через 1 год и 2 месяца, 28 марта 1821 г. [Летопись 1998: 105], о чем, среди прочих новостей, было сообщено в журнале Общества:

³ Согласно секретарской записи в «Делах по Части Секретаря Общества» (РО ИРЛИ. Ф. 58. № 93. Л. 62 об.). За предоставление данных о Баратынском в этом архивном деле приношу глубочайшую благодарность А. С. Бодровой. Возможно, в Общество кроме «Элегии» было представлено не одно, а два послания Баратынского [Вейс 1962: 306], по другим данным — только два послания — «К Дельвигу» и «Крылову» («Любви веселый проповедник...»)) (ср.: [Летопись 1998: 94]).

⁴ Приводимые Базановым данные о «Действительных членах, членах-сотрудниках и почетных членах» ВОЛРС, очевидно, восходят к опубликованным самим Обществом материалам, помещенным в одном из номеров «Соревнователя просвещения и благотворения» (далее название приводится сокращенно — «Соревнователь» [Соревнователь, 1823, ч. 23, № 4: 294–303]).

Г. Член-Корреспондент *Е. А. Баратынский*, особенными трудами и усердием обративший на себя внимание Общества, на основании §§ 26 и 42⁵ первой части Устава, переименован в Действительные Члены [Соревнователь, 1821, ч. 14, Кн. 2 [№ 5]: 252].

Любопытно, что Баратынский был произведен в действительные члены Общества заочно, не имея возможности лично посещать заседания на протяжении почти всего периода сотрудничества в ВОЛРС: практически весь 1820 г. Баратынский находился в Финляндии и посетил только три заседания, а в 1821 г., проведя отпуск в Маре и, возможно, заехав в Петербург, он вновь отправился во Фридрихсгам, откуда вернулся в Петербург только в мае [Летопись 1998: 93, 102, 104; Медведева 1936: LIX–LXI]. Таким образом, заочный перевод в действительные члены произошел еще во время пребывания Баратынского в Финляндии. Это отчасти противоречило Уставу, где говорилось, что действительный член «должен стараться присутствовать при каждом собрании и упражняться в сочинениях и переводах достойных его звания» [Устав ВОЛРС 1819: 16], в то время как за непосещение заседаний и отсутствие сочинений для представления на чтениях действительный член должен был понести ответственность перед Обществом [Там же].

Но едва ли можно предполагать, что на решение о заочном переводе Баратынского в действительные члены могло повлиять известие о вызове Нейшлотского полка в Петербург для несения караульных служб (исходя из свидетельства Коншина, это была неожиданная новость, к тому же полученная уже после перевода Баратынского в действительные члены ВОЛРС [Летопись 1998: 105]). По всей видимости, на решение цензоров и секретаря Общества в данном случае повлияли не перипетии, связанные со службой

---

⁵ Отметим, что опубликованный в «Летописи жизни и творчества Е. А. Баратынского» текст письма секретаря Общества А. А. Никитина Баратынскому содержит ошибку в указании параграфов устава («§ 26 и 37»); [Летопись 1998: 105]). Эта ошибка восходит к записи в исходящем журнале ВОЛРС, где указано, что Баратынскому было отправлено такое же письмо об избрании в действительные члены, как И. К. Аничкову (см.: [ПД. Ф. 58. № 20. Л. 80 об.]). Между тем, Аничков являлся *сотрудником* Общества, и потому был переведен в действительные члены на основании § 26 и 37; но так как Баратынский был не сотрудником, а членом-корреспондентом, в его случае § 37 из записи Аничкова должен был быть заменен на § 42, соответствующий пункту Устава о переводе из членов-корреспондентов в действительные члены [Устав ВОЛРС 1819: 14, 20]. В таком — правильном — виде текст письма Баратынскому был включен и в протокол чрезвычайного заседания Общества 28 марта 1821 г., а также опубликован в «Соревнователе» (ср.: [Вейс 1962: 307]).

Баратынского, а его литературные заслуги. Перевод из членов-корреспондентов в действительные члены мог означать своего рода «поощрение»⁶ со стороны ВОЛРС за активное сотрудничество⁷, а именно — за те тексты, которые Баратынский посылал для представления в Обществе и публикации в «Соревнователе» на протяжении 1820–1821 гг. До производства в действительные члены Баратынский отправил в Общество 12 текстов, еще 11 — после [Евстифеева, Зарецкий 2002]. Для сравнения, по известным данным, за этот же период (1820–1821 гг.) Дельвиг прочел в Обществе только 11 текстов, Плетнев — 17 [Базанов 1964: 369–444].

Важным кажется и жанровый состав представлявшихся Баратынским произведений: в числе 22 стихотворений 1820–1822 гг. было 9 элегий и 8 посланий, также дважды была прочитана поэма Баратынского «Пирь». Можно предполагать, что Баратынский специально избирал «серьезные», «крупные» тексты для оглашения в Обществе: к примеру, он не представил в ВОЛРС опубликованную в 1821 г. «Русскую песню» («Страшно воет, завывает...») [СО, 1821, ч. 68, № 10: 134–135], по-видимому, сочтя жанр песни недостаточно «высоким»⁸ для чтения в Обществе. Жанровый «пуризм» Баратынского хорошо виден при сопоставлении с репертуаром текстов близких ему Дельвига и Плетнева, читавших в Обществе не только элегии, но и идиллии, альбомные стихотворения и стихи на случай (см.: [Базанов 1964: 369–441]). Баратынский же при выборе стихотворений для Общества явно ориентировался на жанры элегии и послания⁹.

⁶ Ср. также формулировку А. М. Пескова, который связывает действия ВОЛРС с неудачными хлопотами о производстве Баратынского в офицеры: «специфическим ответом литературной республики царю стало новое ободрение Баратынского — его избрали в действительные члены ВОЛРС» [Песков 1998: 12].

⁷ Эта гипотеза косвенно подтверждается тем, что среди сотрудников ВОЛРС, вступивших в него с 1819 г., кроме Баратынского, нет ни одного члена-корреспондента, переведенного в действительные члены Общества. Например, членами-корреспондентами оставались «московские жители» С. Е. Раич и Н. А. Полевой, а также А. Д. Илличевский (см.: [Базанов 1964: 443–446]).

⁸ Баратынский также практически не представлял для чтения в Обществе написанные и опубликованные в 1820 г. эпиграммы и мадригалы, хотя «мелкие» стихотворения часто представлялись на чтениях Общества другими авторами. В то же время жанрово более «низкие» фольклорные стилизации (к которым может быть отнесена и «Русская песня» Баратынского), не относящиеся к альбомной лирике, были вовсе выключены из «репертуара» ВОЛРС в 1820–1822 гг.

⁹ Ср. здесь и то, что при представлении в общество в 1820 г. два текста именно этих жанров — элегии и послания — были поданы от лица Баратынского.

Такой жанровый выбор Баратынского свидетельствует о его литературной стратегии. Обращение к элегии объясняется не только увеличением популярности этого жанра в начале 1820-х гг., но и, по-видимому, тем, что именно в элегиях Баратынский в наибольшей степени смог проявить свое поэтическое мастерство и индивидуальность. Послания — как, с одной стороны, «интимный», а с другой — весьма авторитетный жанр — подчеркивали дружескую общность, были публичным высказыванием о литературной позиции молодого поэта и в то же время работали на создание автобиографического мифа. Так, хорошо известно, что в начале 1820-х гг. значительное влияние на Баратынского оказало его «вхождение» в «Союз поэтов» [Хитрова 2005: 23–39]. Миф о «свободных Пиитах», их «союзе свободном, радостном и гордом» конструировался именно в посланиях, которые, в свою очередь, публиковались последовательно в наиболее дружественных «союзу» изданиях — одним из них и был журнал ВОЛРС «Соревнователь».

Среди многих уже отмеченных комментаторами поэтических диалогов (см.: [Вацура 2000]), привлекает внимание одно из дружеских поэтических обращений, появившееся в «Соревнователе» в 1821 г., после назначения Плетнева секретарем цензуры и комитета¹⁰.

В девятом номере «Соревнователя» 1821 г.¹¹ было опубликовано стихотворение Баратынского «Прощание» («Пускай измаранный листок...»), прочитанное на заседании Общества 12 сентября 1821 г., а до этого напечатанное с небольшими отличиями в «Сыне Отечества» еще в 1819 г. Примечателен не только факт повторной публикации, но и то, что в «Соревнователе» это стихотворение Баратынского соседствовало со стихотворением Плетнева «Стихи, написанные на манускрипте Поэта» («Быть может, милый друг, по воле Парки тайной...»), которое в черновике носило подзаголовок «К рукописи Баратынского стихов» [Летопись 1998: 110]. Сюжет «Прощания» Баратынского строится на том, что Поэт в напоминание о себе оставляет листок со своим стихотворением — в послании Плетнева герой пишет свои стихи на том же листке, что и Поэт. Таким образом, совместная публикация этих двух текстов явно заставляла читать стихотворение

---

¹⁰ Отметим, что объявление о назначении Плетнева секретарем цензуры и комитета было опубликовано в том же номере «Соревнователя», где объявлялось о переводе Баратынского в действительные члены Общества и назначении Дельвига цензором поэзии (см.: [Соревнователь, 1821, ч. 14, Кн. 2 [№ 5]: 254]). По предположению Е. П. Горбенко, Плетнев неофициально занимал должность секретаря цензуры и комитета с начала 1821 г. [Горбенко 1986: 42].

¹¹ См.: [Соревнователь, 1821, ч. 14, Кн. 3 [№ 9]: 338–339].

Плетнева как прямое обращение к Баратынскому¹² (ср. также: [Ронен 1973: 381–382]).

На протяжении 1820–1821 гг. Вольное общество любителей российской словесности становится для Баратынского и ближайшего ему литературного круга наиболее важной институцией, позволявшей реализовывать программные литературные установки. Для самого Баратынского журнал Общества «Соревнователь» оказался одним из основных мест для публикации новых стихотворений: из 36 впервые опубликованных в 1820–1821 гг. сочинений поэта, 15 были напечатаны именно в «Соревнователе». В то же время последовательная присылка жанрово однородных «крупных» текстов для прочтения в Обществе и последующей публикации, несомненно, повлияла на формирование и закрепление репутации Баратынского-элегика уже в самом начале 1820-х гг.

Именно в период активного сотрудничества с ВОЛРС появились первые значительные отклики о стихотворениях Баратынского, а его имя часто стало упоминаться в перечнях имен главных современных авторов. Так, наиболее ранняя обнаруженная нами характеристика Баратынского появляется в «Сыне Отечества» в 1821 г., где Баратынский перечислен в одном ряду с другими заметными участниками ВОЛРС — Ф. Н. Глинкой и А. А. Крыловым — и назван «пылким молодым поэтом»:

Здесь <в «Соревнователе» — А. М.> найдем мы однакоже многие истинно ученые статьи, напр. *Лобойкова* (знатока северных языков и Словесности) и других;

¹² О быстром укреплении репутации Баратынского в самом начале 1820-х гг. можно говорить не только исходя из такого рода дружеских обращений (полный перечень и интерпретация которых требуют отдельного исследования), но и указав на подражания стихотворениям Баратынского. Помимо уже упомянутой выше работы В. Э. Вацура о поэтической переписке Баратынского с Н. М. Коншиным и эпигонстве М. А. Бестужева-Рюмина, приведем выразительное стихотворение П. А. Теряева «К друзьям», опубликованное в 1823 г. в «Новостях литературы» и содержащее явные отсылки к элегии Баратынского «Ропот» и финалу поэмы «Пирры»:

К друзьям

Напрасно вам, мои друзья,
Веселым я всегда кажусь,
Не от веселья весел я
И чаще вас еще крушусь.
Когда ж пою или шучу
С моей притворною улыбкой,
Я радость заманить хочу;
Авось-либо она ошибкой,
Себе знакомый слыша глас,
И залетит ко мне на час.

[НЛ, 1823, № 8: 128]

и стихи Ф. Н. Глинки, А. Крылова, Баратынского (пылкого молодого Поэта): они сделали бы честь всякому Журналу [СО, 1821, ч. 68, № 12: 206].

После этого в «Соревнователе» и «Сыне Отечества» имя Баратынского появлялось довольно часто среди перечисления молодых и «весьма хороших» поэтов¹³.

В контексте активности Баратынского в ВОЛРС и публикации текстов в близких Обществу изданиях показательно, что поэт практически не принимал участия в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств (далее — ВОЛСНХ): в период с 1820 по 1822 г. Баратынский присутствовал на заседании общества один раз (25 августа 1821 г.¹⁴). Отношения Баратынского с ВОЛСНХ отражают и прочитанные там стихотворения: всего было зачитано восемь его стихотворений¹⁵, четыре из которых были эпитаграммами.

Единственный случай заметного появления Баратынского в ВОЛСНХ произошел в 1822 г., когда на заседании 9 марта 1822 г.¹⁶ А. Е. Измайловым были прочитаны три стихотворения Баратынского, связанные с С. Д. Пономаревой («Догадка», «Поцелуй» и «Возвращение»), возможно, полученные им не напрямую от Баратынского, а от хозяйки салона [Песков 1998: 21]. Вероятно, адресация этих стихотворений и их чтение в салоне Пономаревой повлияли на решение Баратынского (или же желание Пономаревой и/или Измайлова) огласить стихотворения в ВОЛСНХ и опубликовать их в ближайшем номере «Благонамеренного» [Благонамеренный 1822, № 11: 443–444; подпись: Б.].

Этот эпизод, впрочем, лишь демонстрирует контраст между, с одной стороны, незначительным и, скорее, случайным участием Баратынского в ВОЛСНХ, а с другой — долгим и «серьезным» сотрудничеством с ВОЛРС, членство в котором стало мощным источником для формирования литературной репутации Баратынского.

---

¹³ См., например, отзывы, появившиеся в к. 1821 и 1822 г.: [СО: 1821, ч. 69, № 19: 236–237; СО, 1822, ч. 76, № 13: 260–261; СО: 1822, ч. 77, № 18: 167; Соревнователь, 1822, ч. 20. Кн. 3 [№ 12]: 340; СО, 1822, ч. 82, № 48: 85; Соревнователь, 1823, ч. 22, Кн. 2 [№ 2]: 100, 115].

¹⁴ Протоколы заседаний ВОЛСНХ за 1821 г. // НБ СПбГУ. Архив ВОЛСНХ. Д. 1. Л. 29. [Эл. ресурс: <http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/prot/prot21.html>].

¹⁵ Данные по протоколам заседаний ВОЛСНХ: НБ СПбГУ. Архив ВОЛСНХ. Д. 54. Л. 51–52; Д. 1. Л. 29–29 об., 32, 43–44, 52–52 об. [Эл. ресурс: <http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/protokol.html>].

¹⁶ Там же. Д. 1. Л. 52–52 об.; см. также [Летопись 1998: 112].

Сотрудничество Баратынского с ВОЛРС резко оборвалось в начале 1822 г.: с мая по декабрь 1821 г. поэт посетил 16 заседаний Общества, однако в 1822 г. — только два (в январе и в апреле), несмотря на то, что он находился в Петербурге до конца августа [Летопись 1998: 106, 111]. Можно предполагать, что отчуждение Баратынского от Общества произошло в связи с напряжением обстановки внутри него [Базанов 1964: 274–289]¹⁷ и отстранением от цензорской должности сначала Дельвига, а затем и Плетнева¹⁸. Именно в период нарастания конфликта «молодых поэтов» с поэтами круга «Благонамеренного», на должность цензора поэзии в ВОЛРС вместо Дельвига был избран его важный литературный и личный соперник — В. И. Панаев [Летописи ВОЛРС 1822: 1–2]. Основываясь на описанной Вацуро истории борьбы лагеря «Благонамеренного» с «молодыми поэтами» [Вацуро 2004: 225–408], можно предположить, что конфликт, зародившийся в салоне Пономаревой, мог повлиять не только на размежевание двух литературных обществ — ВОЛРС и ВОЛСНХ, но и стать причиной для обострения отношений внутри ВОЛРС. Смена литературных «партий» в ВОЛРС могла послужить одной из причин отхода Баратынского от участия в Обществе — сходная литературно-бытовая ситуация повлияла ранее и на принципиально отчуждение от ВОЛСНХ.

Несмотря на разрыв с ВОЛРС, к 1822 г. Баратынский занимал уже достаточно важное место среди молодых поэтов: эта позиция была во многом определена произведениями, представленными в Обществе и опубликованными в его печатных органах. Публикации элегий и посланий в «Соревнователе» и «Сыне Отечества», по-видимому, не только повлияли на закрепление за Баратынским репутации «элегика» в критике, но и сделали возможным его включение в литературный пантеон.

На этом фоне большой интерес представляет опубликованный в 1822 г. первый развернутый отзыв о Баратынском в рецензии П. А. Катенина на «Опыт краткой Истории Русской Литературы» Н. И. Греча, где, по-видимому, впервые не только признавался талант Баратынского, но и уже звучало

¹⁷ Ср. также вывод Базанова: «Плетнев и Дельвиг в середине 1823 г. воспринимались <частью Общества> как враждебная оппозиция» [Базанов 1964: 294].

¹⁸ Согласно выводам Е. П. Горбенко, Плетнев был намеренно дискредитирован в глазах Общества Н. И. Гречем [Горбенко 1986: 42–43], что могло обострить отношения Баратынского как с «Соревнователем», так и с «Сыном Отечества». До 1822 г. Баратынский опубликовал 17 стихотворений в «Сыне Отечества», который отчасти также был органом ВОЛРС, однако, возможно, в связи с литературными распрями 1822 г., поэт прекратил сотрудничество с этим журналом: последний текст Баратынского, напечатанный в «Сыне Отечества», — перевод из Шатобриана «О колоколах», появился в № 13 «Сына Отечества» 1822 г. (ценз. разр. 28 марта 1822, ценз. билет 6 апреля 1822 (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 13 об.)).

обвинение в чрезмерной приверженности к «однообразному», но «модному» жанру элегии, в чем Баратынского будут упрекать последующие критики¹⁹:

<...> мне особенно жаль, что вы не упомянули о *Баратынском*. Хотя, к сожалению, большая часть его стихов написаны в модном и несколько однообразном тоне мечтаний, воспоминаний, надежд, сетований и наслаждений; но в них приметен талант истинный, необыкновенная легкость и чистота [СО, 1822, ч. 76, № 13: 260–261].

Примечательно, что Катенин, признавая талант Баратынского, указывал на важность включения его в пантеон авторов — на что Греч (возможно, спровоцировавший разлад в ВОЛРС) в своем ответе Катенину заключал, что не только Баратынский, но и целый ряд других молодых авторов еще не достойны включения в пантеон, хотя, возможно, заслужат его в будущем. Отметим и то, что в иерархии Греча на первом месте среди «молодых авторов» оказывался не Баратынский, а Грибоедов:

Что касается до Гг. *Грибоедова*, *Жандра*, *Загоскина*, *Баратынского* (прибавляю еще *Раича*, *Плетнева*, *А. Крылова*, *М. Дмитриева* и мн. др.), то я предоставляю себе удовольствие поместить известия о них во втором издании моей книги: отличные их таланты (особенно первого из них) ручаются в том, что они вскоре обогатят нашу Словесность достойными их произведениями, и займут на Русском Парнасе принадлежащее им место [СО, 1822, ч. 76, № 13: 266–267].

Вопрос о включении стихотворений Баратынского в число «образцовых» прозвучал и в более поздней рецензии, помещенной в «Новостях Литературы» уже в 1823 г. и посвященной разбору «Русской Антологии» (“*Anthologie russe*”) Д. де Сен-Мора²⁰. Имя Баратынского здесь упоминается уже в ряду не «начинающих», но известных поэтов:

Некоторые любители отечественной Литературы сожалеют, что Г. С-н-Мор ничего не перевел из сочинений Кн. *Вяземского*, *Баратынского*, *И. И. Козлова* и других Поэтов [НЛ, 1823, № 36: 159].

При этом заметно, что, как и более ранняя «российская антология» на английском языке, изданная Джоном Боурингом²¹ «русская антология» Сен-

¹⁹ См. комментарий И. Н. Медведевой к этому отзыву: [Медведева 1936: LXVIII–LXIX].

²⁰ *Dupre de Saint-Maure P. J. E. Anthologie russe, suivie de poésies originales*. Paris, 1823.

²¹ *Российская Антология. Specimens of the Russian Poets; with preliminary remarks and biographical notes* / Trans. by J. Bowring, F. L. S. London, 1821. Об авторах, включенных в эту антологию, и ее устройстве см.: [Волгина, Цветкова 2009].

Мора на французском языке была ориентирована на более архаичный литературный канон, закрепленный еще в «Собрании Образцовых сочинений в стихах и прозе», изданном в 1815–1817 гг., а потому появление в переводных «русских антологиях» стихотворений начинающих авторов 1820-х гг. было бы неожиданно. Между тем вопрос критика «Новостей литературы» о включении стихотворений Баратынского в число «образцовых» (т. е. достойных помещения в «национальную» антологию) уже в 1823 г. кажется неслучайным.

Так, в «Новое собрание образцовых сочинений в стихах» (1821) и во второе издание «Собрания Образцовых Российских сочинений в стихах» (1822, далее — СОРС), которые, как и «Новости Литературы», издавал А. Ф. Воейков, вошел целый ряд стихотворений Баратынского, большую часть которых составляли элегии:

Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1821 (ценз. разрешение: 30 ноября 1820):

- «Уныние» («Рассеивает грусть веселый шум пиров...»)
- «Сельская элегия» («Я возвращаюсь к вам, поля моих отцов...»)
- «Булгарину» («Нет, нет, Булгарин! ты не прав...»)

Собрание Образцовых Русских Сочинений и Переводов в Стихах. 2-е изд. СПб., 1822. Ч. 1 (ценз. разрешение: 15 июня 1821):

- «Финляндия» («Громады вечных скал, гранитные пустыни...»)

Там же. Ч. 4. (ценз. разрешение: 30 июля 1821):

- «Русская элегия» («Страшно воев завывает...»)²²
- «Элегия» («На краткий миг пленяет в жизни радость...»)

Там же. Ч. 5 (ценз. разрешение: 30 сентября 1821):

- «Весна» («На звук цевницы голосистой...»)

Однако здесь становится заметно противоречие между датой выдачи цензурного разрешения 5-й части СОРС (30 сентября 1821 г.) и появлением там (с измененными заголовками) текстов Баратынского и Дельвига (его «<Русской> Песни» («Ах ты ночь ли, ноченька...»)), впервые напечатанных значительно позже, в «Полярной Звезде на 1823 год», получившей цензурное разрешение 11 ноября 1822 г. и вышедшей в самом конце 1822 г., 22 декабря [Летопись 1998: 121].

²² По-видимому, наряду с общей мотивной структурой «Русской песни», причиной ее переименования в «Русскую элегию» стала уже закрепившаяся за Баратынским репутация поэта-элегика. Этот случай изменения Воейковым заголовка близок к переименованию «Песни» Дельвига («Ах ты ночь ли, ноченька...») на «Русскую песню» (нужно отметить, что сам жанровый заголовок «Русская песня» появляется и закрепляется за «мелодиями» и «песнями» Дельвига уже после 1823 г., что также делает заметным анахронизм в перепечатке Воейкова).

На эти несоответствия обратили внимание редакторы справочника «Пушкин в печати» [Пушкин в печати 1938: 21–22], предположившие, что 5-я и 6-я части СОРС вышли уже в начале 1823 г. Гипотеза подтверждалась данными журнальных откликов на издание Воейкова: в литературном обозрении Булгарина за 1822 г. последние части «Собрания...» не упоминались. Это предположение Синявского — Цявловского может быть уточнено на основании объявления в «Московских Ведомостях» от 27 декабря 1822 г., где сообщалось о подписке на издание с условием, что первые четыре части «выдаются, а на остальные <т. е. Чч. 5. и 6> выдается билет» [МВ, 1822, № 103, 27 дек.: 3246]. Реальное время выхода 5 и 6-й части СОРС окончательно устанавливается благодаря цензурным документам: несмотря на то, что последние две стихотворные части СОРС были поданы в цензуру еще 9 сентября 1821 г.²³, цензурный билет на 5 и 6-ю части «Собрания образцовых сочинений в стихах» был выдан Воейкову только 4 октября 1823(!) г.²⁴ Таким образом, отложив издание двух последних частей антологии, Воейков успел перепечатать из «Полярной Звезды на 1823 год» стихотворения «модных» молодых поэтов: тексты Баратынского и Дельвига, вошедшие в СОРС («Весна» Баратынского, «Песня» Дельвига», а также «Элегия» Плетнева), идентичны напечатанным в альманахе Бестужева и Рылеева. Эти стихотворения представляют в «Собрании...» «новое», в то время как остальной корпус текстов оставался практически сходным с первым изданием СОРС 1815–1817 гг. Отметим и то, что «Весна», перепечатанная в 5-ю часть СОРС, — это единственное новое стихотворение Баратынского в «Полярной Звезде на 1823 год». По-видимому, уже включив довольно много стихотворений Баратынского в свой «пантеон», Воейков не упустил возможности перепечатать и новое стихотворение поэта из «модного» альманаха²⁵.

²³ Согласно цензурной ведомости: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 350. Л. 77.

²⁴ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 46.

²⁵ Можно предполагать, что задержка печати 5 и 6-й частей СОРС была связана с желанием Воейкова включить в Собрание большее количество популярных стихотворений (ср. претензии критиков к первым частям СОРС, касающиеся плохого наполнения «образцового» Собрания и недостаточного количества новых стихотворений: [СА, 1823, ч. 5, № 5: 404–405; СО, 1823, ч. 84, № 13: 255]. В то же время, эти перепечатки из «Полярной Звезды на 1823 год» могут быть включены в историю борьбы Бестужева и Рылеева с «контрафакциями» Воейкова. Обратим внимание, в частности, на неопубликованное письмо Бестужева и Рылеева, обращенное к «собирателю» так называемых новостей литературы, образцовых сочинений и прочих мозаиков <курсив наш. — А. М.> с просьбой «пощадить их издание <Полярную Звезду> и не перепечатывать из него самовольно ни прозы, ни стихов» [Письма Рылеева 1954: 140]. Это письмо принято датировать июнем–июлем 1823 г. и связывать с перепечатками в «Новостях литературы» [Там же: 140–142], что, однако, не до конца объясняет сотрудничество Рылеева

Таким образом, републикация стихотворений Баратынского в СОРС может служить еще одним показателем того, как постепенно укрепилась высокая репутация Баратынского и его элегий, первоначально утвердившаяся внутри ВОЛРС.

Традиционно период 1822–1823 гг. в биографии Баратынского связывается с его участием в кружке С. Д. Пономаревой, а также с полемикой «союза поэтов» и журнала «Благонамеренный», через которые и определился статус Баратынского в литературном поле. Между тем данные о чтениях в ВОЛРС и напечатанных в 1820–1823 гг. стихотворениях позволяют говорить также о значительной роли Общества в формировании литературной репутации Баратынского. Живое участие в деятельности ВОЛРС, ставка на жанр элегии и высокая «публикационная активность» сделала Баратынского узнаваемой литературной фигурой, о которой все чаще начали говорить в периодических изданиях, а уже в 1822–1823 гг. стал возможен вопрос о включении молодого автора в современный литературный пантеон. Можно утверждать, что именно публичные выступления Баратынского в первой половине 1820-х гг. повлияли на закрепление за ним репутации поэта-элегика, надолго сохранившейся в литературной критике.

Литература

Базанов 1964: *Базанов В.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964.

Благонамеренный: Благонамеренный (журнал).

Бодрова 2010: *Бодрова А. С.* Поздняя лирика Е. А. Боратынского: источниковедческий и текстологический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Вацуро 2000: *Вацуро В. Э.* Из литературных отношений Боратынского // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000. С. 333–354.

Вацуро 2004: *Вацуро В. Э.* С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской поры // Вацуро В. Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Вейс 1962: *Вейс А. Ю.* К избранию Е. А. Боратынского в СПб Вольное общество любителей российской словесности // Пушкин и его время. Л.: Изд-во государственного Эрмитажа, 1962. Вып. 1. С. 305–308.

с Воейковым в августе 1823 г. [Письма Рылеева 1954: 142]. Между тем, явный укол в сторону «образцовых сочинений», позволяет предполагать, что Рылеев и Бестужев заметили перепечатки из «Полярной Звезды» и в 5-й части СОРС, а, следовательно, письмо могло быть написано чуть позже, в конце октября – ноябре 1823 г.

Волгина, Цветкова 2009: *Волгина А. С., Цветкова М. В.* Русская антология Джона Боуринга как первый опыт русской поэзии в английском переводе // Вестник Пермского университета. Отд. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 3. С. 52–59.

Горбенко 1986: *Горбенко Е. П.* Из переписки П. А. Плетнева (1821–1864) // Памятники культуры: Ежегодник. 1986. Л.: Наука, 1987. С. 19–48.

Евстифеева, Зарецкий 2002: *Евстифеева Р. А., Зарецкий А. Р.* Произведения Боратынского, читанные в собраниях Вольного общества любителей российской словесности в 1820–1822 гг. // Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 457–460.

Летописи ВОЛРС 1822: Летописи высочайше утвержденного Санктпетербургского Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1822.

Летопись 1998: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. А. М. Песков; подгот. текста Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

МВ: Московские ведомости. М., 1756–1917.

Медведева 1936: *Медведева И. Н.* Ранний Баратынский // Боратынский Е. А. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Сов. писатель, 1936. Т. 1. С. XXXV–LXXVII.

НЛ: Новости литературы. СПб., 1822–1826.

Песков 1998: *Песков А. М.* Взгляд на жизнь и сочинения Боратынского // Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 9–47.

Письма Рылеева 1954: Письма Рылеева / Публ. Т. Г. Снытко, Н. И. Прокофьева, А. Г. Цейтлина и Ю. Г. Оксмана; коммент. А. Г. Цейтлина, Ю. Г. Оксмана // Литературное Наследство. Т. 59: Декабристы-литераторы. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 137–154.

Ронен 1973: *Ронен О.* Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Манделштама // *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky.* Walter de Gruyter, 1973. P. 367–387.

Семенко 1970: *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. М.: Художественная литература, 1970.

СА: Северный Архив. СПб., 1822–1824.

СО: Сын Отечества. СПб., 1812–1852.

Соревнователь: Соревнователь просвещения и благотворения.

Устав ВОЛРС: Устав С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности Утв. 19 янв. 1818 г. СПб., 1819.

Хетсо 1973: *Хетсо Г.* Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Oslo; Bergen; Tromsø, 1973.

Хитрова 2005: *Хитрова Д. М.* Литературная позиция Е. А. Баратынского 1820 – первой половины 1830-х гг. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.